

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ЧАРЛЬЗ
БУКОВСКИ

ЧТИВО

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б90

Charles Bukowski

PULP

Copyright © 1994 by Linda Lee Bukowski
Published by arrangement with HarperCollins Publishers, Inc.

Перевод с английского *Степана Бранда*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Буковски, Чарльз.

Б90 Чтиво / Чарльз Буковски ; [перевод с английского-го С. Бранда]. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-206311-4

«Чтиво» — последний роман Буковски, его лебединая песня — читателям без чувства юмора просто противопоказан!

Это действительно особый род стеба, посвященный «плохой литературе». Сам сюжет книги лишен динамики, лишен интриги, лишен всего, но именно поэтому бесконечно гениален. Главное достоинство романа — стиль повествования. Описания и диалоги переполнены атмосферой грязи, насилия и страха. При этом Буковски буквально каждым предложением пародирует подлинное бульварное чтиво. И хотя авторский стиль упрощен донельзя — хочется отметить потрясающее чувство юмора, которое обязательно придется по вкусу читателям, этим чувством обладающим.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© С. Бранд, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206311-4

1

Сажу у себя в кабинете, аренда закончилась, Маккелви начинает выселение. Солнце печет не по-детски, а кондиционер сломан. По столешнице муха ползет. Потянулся и прихлопнул ладонью, вывел из игры. Вытер руку о штанину, и тут — телефонный звонок.

Я взял трубку.

— Да, слушаю.

— Селина читали? — спросила женщина.

Очень сексуальный голос. А я уже какое-то время один, ну, несколько лет наверно.

— Селина, м-м-м... — промычал я.

— Мне нужен Селин, очень нужен.

Такой голос — это что-то! Надо признаться, меня цепляло.

— Селин? Расскажите о нем что-нибудь. Поговорите со мной еще немного.

— Штаны застегните.

Я глянул вниз.

— Как это вы узнали?

— Неважно. Мне нужен Селин.

— Селин умер.

— А вот и нет. И я хочу, чтобы вы его нашли.

Он мне нужен.

— Ну, его кости я бы может и смог найти.

— Да он жив, дурак.

— Да? И где он живет?

— В Голливуде. Я слышала, он там ошивается у книжного магазина Реда Колдовски.

— Почему бы вам самой его не отыскать?

— Сначала мне нужно знать, действительно ли это Селин. И знать нужно точно, на сто процентов.

— Но зачем вам для этого именно я? В городе других детективов мало?

— Бартон рекомендовал вас.

— А, Бартон, ну да. Слушайте, короче, мне нужен какой-никакой аванс. И неплохо бы побеседовать лично.

— Буду минут через десять.

Она повесила трубку, я застегнул ширинку.

И стал ждать.

Она вошла.

В общем, это, так нечестно. Платье облегалo ее так, что чуть по швам не расходилось. Любит она шоколадки, не иначе. А высоченные каблуки больше напоминали ходули. Она переступала на них, как пьяный инвалид, раскачиваясь туда-сюда по кабинету. Восхитительная роскошь плоти, аж голова кружится.

— Садитесь, леди, — пригласил я.

Она села, положив ногу на ногу, так высоко, что чуть мне глаз не выбила.

— Рад вас видеть.

— Хватит пялиться, чего вы тут еще не видели.

— Такого не видел. Назовите свое имя, пожалуйста.

— Леди Смерть.

— «Леди Смерть»? Вы из цирка, что ли? Или в кино снимаетесь?

— Нет.

— Место рождения?

— Это неважно.

— Год рождения?

— Бросьте эти шутки...

— Я пытаюсь всего лишь узнать что-то о вас.

Я как-то растерялся и стал шарить глазами по ее ногам. Ножки — моя слабость. Это ведь первое, что я увидел, появившись на свет. Но тогда я пытался выбраться наружу, так что с тех пор стремлюсь только в обратном направлении. Успехи так себе.

Раздался щелчок пальцами.

— Эй, хорош!

— А? — я поднял глаза.

— Селин. Не забыли?

— Помню.

Я распрямил пальцами скрепку и кончик направила на нее.

— Без чека за услуги не обойтись.

— Ну разумеется, — улыбнулась она, — сколько с меня?

— Шесть долларов в час.

Достав чековую книжку, гостя расписалась, вырвала листок и бросила мне. Листок приземлился на стол. Я взял посмотреть: «\$240». Таких денег я не видел с восьмьдесят восьмого года, когда выиграл в экспресс-лотерею в Голливудском парке.

— Благодарю вас, Леди...

— ...Смерть.

— Да. Так, теперь просветите меня немного про этого Селина. Вы что-то про книжный говорили?

— Ну, да, он появлялся в магазине Реда. Что-то искал, спрашивал Фолкнера, Карсон Маккаллерс, Чарльза Мэнсона.

— Значит, в книжном отсвечивает. Так...

— Да. Вы знаете Реда, он не любит, когда кто-то у него задерживается. Ты можешь потратить там тысячу баксов, но стоит только помедлить пару минут, как он прицепится: «Не пора ли вам уже убраться отсюда?» Ред вообще ничего парень, но чудик. В общем, Селина он снова и снова выпроваживает, а тот идет в бар Мюссо и торчит там у стойки с грустным видом. Но завтра или послезавтра он приходит опять, и все повторяется.

— Селин умер. На день позже Хемингуэя, тридцать два года назад.

— Я слышала про Хемингуэя. Он у меня.

— Вы уверены, что это он?

— О, да.

— Тогда почему вы не уверены, что данный Селин именно тот, который нужен?

— Не знаю. У меня с ним какой-то ступор. И раньше такого никогда не было. Может быть, я

слишком долго играла в эту игру. А потом Бартон вас хвалит, и вот я здесь.

— И вы думаете, что настоящий Селин жив? Он нужен вам?

— Нужен позарез, мальчик мой...

— Билейн. Ник Билейн.

— Хорошо, Билейн. Но я хочу быть уверена. Это должен быть настоящий Селин, а не какой-то хрен с горы. А то их таких много.

— А то я не знаю.

— Ну вот и займитесь этим. Мне нужен величайший писатель Франции. Я слишком долго ждала.

После этого она встала и вышла. В жизни не видел такой классной задницы. Это выше любого понимания. Выше всего. А теперь оставьте меня, я хочу подумать о ней.

3

Настало завтра.

Я отменил свое выступление в Торговой палате в Палм-Спрингсе.

Шел дождь, сверху капало. Дождь просачивался через потолок и раздавалось — кап, кап, кап,

кап, еще кап, еще кап, кап, кап, еще и еще кап, кап-кап...

Sake меня, конечно, согревало. Но тепло ли мне было? Ни так, ни сяк, наверно. Мне пятьдесят пять, а даже нечего подставить под протечку. Говорил мне отец, что под старость буду страдать фигней на чужом заднем дворе в каком-нибудь Арканзасе. Времени достичь этого у меня еще достаточно, а автобусы туда, если что, ходят каждый день. Но от автобусов у меня запор начинается, и вечно в них дрыхнет и храпит какой-нибудь старикан с немытой бородой. Пожалуй, заняться Селином будет поинтереснее.

Что ж, был ли Селин и вправду Селин? Я и про себя-то иногда не мог точно сказать, кто я такой. Ну ладно, я Никки Билейн. Но это не точно. Если кто-нибудь крикнет: «Эй, Гарри! Гарри Мартелл!», — я, скорее всего, отзовусь: «Да, чего?» В смысле, я мог быть кем угодно, какая разница? Так ли важно, как меня зовут? В чем вообще смысл имени?

Странная штука жизнь, верно? В команде по бейсболу меня всегда ставили последним. Знали, крысы, что я этот мяч могу к черту в Денвер зафигачить. Завидовали.

У меня был талант. И сейчас есть! Иногда, глядя на свои руки, я думал, что мог стать великим пианистом или еще кем-нибудь. Но что я в итоге делал этими руками? Чесал яйца, выписывал чеки, завязывал шнурки, спускал унитаз и т. д. и т. п. Пропали эти руки, короче говоря. И голова тоже не пригодилась.

Дождь шел, я сидел.

Зазвонил телефон. Я протер его просроченным счетом из налоговой и взял трубку.

— Ник Билейн слушает.

Или это Гарри Мартелл слушает?

— Беспокоит Джон Бартон, — заговорили на том конце.

— Да-да. Вы рекомендовали меня, большое спасибо.

— Я наблюдаю за вами, у вас определенно есть талант. Неограниченный, но это скорее плюс.

— Рад слышать. Дела неважно идут.

— Я наблюдаю за вами. У вас все получится, еще немного терпения.

— Хорошо. Чем могу быть полезен, господин Бартон?

— Мне нужно отыскать Красного Воробья.

— «Красного Воробья»? А это что за чудо в перьях?

— Да вот есть такой, и я хочу найти его. Надо, чтобы именно вы занялись этим.

— А есть какие-нибудь примерные ориентиры?

— Нет, но я уверен, что он где-то существует, точно.

— А этого Воробья зовут как-нибудь?

— Не понял.

— Имя у него есть? Типа Генри или Абнер. Или там Селин...

— Нет, это просто Красный Воробей, и я точно знаю, что вы его найдете. Я в вас верю.

— Но это будет кое-чего стоить, господин Бартон.

— Если вы найдете его, я стану вам выплачивать сто долларов в месяц пожизненно.

— Хм... А всю сумму разом нельзя получить?

— Нет, Ник, вы ее тут же спустите на скачках.

— Ладно, господин Бартон, оставьте мне ваш номер, и я займусь этим.

Бартон продиктовал номер и добавил:

— Я искренне верю в вас, Билейн.

И повесил трубку.

Что ж, дела налаживаются. Но с потолка льет как никогда. Я стряхнул с себя дождевые капли, глотнул sake, скрутил сигарету, зажег ее, затянул-

ся, раскашлялся. Надел коричневый котелок и включил автоответчик. Медленно направился к двери, открыл, а там стоит Маккелви. Широкая грудь, а плечи такие, словно там от души поролоном набито.

— Аренда окончена, засранец, — выпалил он. — Чтобы твоей задницы тут больше не было.

Тут я посмотрел на его живот, похожий на гору дерьма. Недолго думая, я втопил туда свой кулак. А лицо гостя в это же мгновение встретилось с моим коленом. Маккелви упал и скорчился на боку. Неприглядное зрелище. Я приблизился, вытащил его бумажник. Там оказались фотографии детей в откровенных позах.

А не грохнуть ли его? Но вместо этого я лишь взял карту «Золотая виза», пнул его разок по заднице и вызвал лифт.

Решил пройтись до магазина Реда. Сяду за руль — опять где-нибудь не там припаркуюсь, а разбрасываться деньгами на штрафы я себе позволить не могу.

Всю дорогу до книжного меня одолевали мрачные мысли. Человек рождается, чтобы умереть. Что это значит? Это значит болтаться без толку и все время чего-то ждать. Ждать какого-нибудь

автобуса. Ждать летней ночью в номере вегасского отеля, когда же явится пара больших буферов. Ждать, когда рак на горе свистнет. Ждать, когда жареный петух клюнет. И опять без толку болтаться.

Ред был на месте.

— Тебе повезло, только что свалил этот пьяница Чинаски. Болтал тут про свои марки.

— Да ладно, пес с ним. У тебя есть экземпляр «Когда я умирала» Фолкнера с автографом?

— А то!

— Сколько стоит?

— Две восемьсот.

— Подумаю.

— Минутку, — сказал Ред и повернулся к парню, который листал большим пальцем первое издание «Домой возврата нет». — Эй, положи книгу на место и проваливай!

Парень был на вид хиловатый и очень сутулый, в желтом дождевике.

Он поставил книгу на полку и прошел мимо нас к выходу, а на глаза слезы наворачивались. Дождь перестал. Дождевик уже ни к чему.

Ред посмотрел на меня.